

Э. ФРОММ

АНАТОМИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕСТРУКТИВНОСТИ*

Согласно Скиннеру экспериментатора не должны интересовать исследования. Подопытное животное или человек просто ставятся в экспериментальные условия, в которых они ведут себя вполне определенным образом. А зачем их ставят в такие условия — это зависит от руководителя проекта, который выдвигает цели исследования. Руководителя лабораторных исследований интересует не вопрос: зачем он обследует подопытное животное (или человека), скорее его интересует факт, что он в состоянии (что он умеет) это сделать профессионально, и он думает только о том, как лучше этого достигнуть. Когда же мы от лабораторных условий переходим к условиям реальной

* *Продолжение.* Начало см. в N 7.

жизни индивида и общества, то обнаруживаются серьезные трудности. Здесь возникают жизненно важные вопросы: зачем человека подвергают испытаниям и кто является заказчиком (кто ставит, преследует эти цели)?

Создается впечатление, что Скиннер, говоря о культуре, все еще имеет в виду свою лабораторию, в которой психолог действует без включения ценностных суждений и не испытывает трудностей, ибо цель «эксперимента» для него не имеет значения. По меньшей мере это можно объяснить тем, что Скиннер просто не в ладах с проблемой целей, смыслов и ценностей. Например, он пишет: «Когда люди ведут себя необычно или оригинально, мы удивляемся не потому, что подобное поведение само по себе достойно удивления, а потому, что мы не знаем, как, каким способом можно вызвать (простимулировать) оригинальное, из ряда вон выходящее поведение». Подобное рассуждение не выходит из рамок порочного круга: мы удивляемся оригинальности, ибо единственное, что мы в состоянии зафиксировать это то, что мы удивляемся.

Однако зачем мы вообще обращаем внимание на то, что не является достойной целью? Скиннер не ставит этого вопроса, хотя минимальный социологический анализ способен дать на него ответ. Известно, что в различных социальных и профессиональных группах наблюдается различный уровень оригинальности и творчества. Так, например, в нашем технологически-бюрократическом обществе это качество является чрезвычайно важным для ученых, а также для руководителей промышленных предприятий. Зато для рабочих высокий творческий потенциал — совершенно излишняя роскошь и даже создает угрозу для идеального функционирования системы в целом.

Не думаю, что наш анализ способен дать исчерпывающий ответ на вопросы об оригинальности мышления и творчества. С точки зрения психологии, многое свидетельствует о том, что творческое начало, а также стремление к оригинальности имеют глубокие корни в природе человека, и нейробиологи подтверждают гипотезу, что это стремление «вмонтировано» в структуру мозга. Я хотел бы подчеркнуть следующее: Скиннер попадает в сложное положение со своей концепцией в связи с тем, что не придает никакого значения поискам и находкам психоаналитической социологии и потому считает, что если бихевиоризм не знает ответа на какой-либо вопрос, то ответа и вовсе не существует.

Приведу пример, свидетельствующий о расплывчатости скиннеровских представлений о ценностях.

Большинство людей согласится, что решение о путях и способах создания атомной бомбы не содержит ценностных суждений, зато не согласится с утверждением, что решение о создании такого оружия было в принципе свободно от ценностных суждений. Главное различие между этими позициями, видимо, состоит в том, что ученые-практики, руководящие конструированием бомбы, все на виду, в то время как создатель соответствующей культуры, в рамках которой возникла бомба, остается в тени. И предсказать продуктивность культурных открытий невозможно с такой же степенью точности, как это возможно в отношении физических открытий. А потому в этих случаях мы прибегаем к ценностным суждениям, догадкам, предположениям и т.д. Ценностные суждения лишь там выходят на верный след, где этот след оставила наука. А когда мы научимся планировать и измерять мелкие социальные взаимодействия и другие явления культуры с такой же точностью, какой мы располагаем в физической технологии, то вопрос о ценностях отпадает сам собой.

Главный тезис Скиннера сводится к следующему. Не вызывает сомнения тот факт, что ценностных суждений нет ни в решении построить атомную бомбу, ни в техническом решении этой проблемы. Разница состоит лишь в

том, что не совсем «ясны», мотивы построения бомбы. Может быть, профессору Скиннеру они и впрямь неясны, зато многим эти мотивы понятны.

На самом деле решение о создании атомной бомбы вызвано более чем одной причиной (то же самое относится и к водородной бомбе). Первая — это страх, что Гитлер сделает такую бомбу, кроме того, желание обладать сверхмощным оружием в будущих конфликтах с Советским Союзом, и наконец — внутренняя логика развития общественной системы, которая вынуждена постоянно наращивать вооружение, чтобы чувствовать уверенность перед лицом конкурирующих систем.

Однако, кроме этих чисто военных стратегических и политических оснований, я полагаю, была еще одна не менее важная причина. Я имею в виду ту максиму, которая превратилась в аксиоматическую норму кибернетического общества: «Нечто должно быть сделано, если только это технически возможно». Если возникает возможность производства ядерного оружия, оно должно быть произведено, даже если это несет угрозу всеобщего уничтожения. Если появляется возможность полететь на Луну или другие планеты, то это должно произойти даже ценой многочисленных лишений людей, живущих на Земле. Этот принцип означает отрицание всех гуманистических ценностей, место которых занимает одна высочайшая ценностная норма «технотронного» общества.

Скиннер не дает себе труда изучить причины создания бомбы и предлагает нам подождать, пока бихевиоризм раскроет эту тайну. В своих воззрениях на социальные процессы он проявляет такую же беспомощность, как и при обсуждении психических процессов: то есть он совершенно не способен понять скрытые (невербальные) мотивы тех или иных общественных явлений. А поскольку все то, что люди говорят о своих мотивах и в политической, и в личной жизни фактически является фикцией, поскольку вербально выраженные мотивы лишь вуалируют истину, то понимание социальных и психических процессов оказывается блокировано, если исследователь довольствуется лишь словесным материалом. А иногда Скиннер сам потихоньку протаскивает ценностные категории, сам того явно не замечая. Например, он пишет: «Я уверен, что никто не хочет развития новой системы отношений типа „хозяин—слуга“, никто не хочет искать новых деспотических методов подавления воли народа властью имущими. Это образцы управления, которые были пригодны лишь в том мире, в котором еще нет науки». Спрашивается, в какую эпоху живет профессор Скиннер? Разве сейчас нет стран с эффективной диктаторской системой подавления воли народа? И разве похоже, что диктатура возможна лишь в культурах «без науки»? Скиннер явно верует все еще в устаревшую идею «прогресса», согласно которой средневековье было «мрачным», ибо тогда еще не было наук, а развитие науки с необходимостью ведет к усилению человеческой свободы. На самом деле ни один политический лидер и ни одно правительство никогда не признается в своих намерениях подавлять волю народа, у них на устах сегодня совсем другие слова, которые должны обозначать диаметрально противоположные вещи, совершенно иная лексика, которая, казалось бы, имеет диаметрально противоположное значение. Ни один диктатор не называет себя диктатором, и каждая политическая система клянется выражать волю народа. С другой стороны, в странах «свободного мира» в труде, в воспитании и в политике место явного авторитета занимают «анонимный авторитет» и система манипулирования.

Ценностные суждения Скиннера проявляются и в других его высказываниях. Например, он утверждает: «Если мы достойны нашего демократического наследия, то, естественно, мы будем готовы оказать противодействие использованию науки в любых деспотических или просто эгоистических целях. И если мы еще ценим демократические достижения и цели, то мы не имеем

права медлить, должны немедленно использовать науку в деле разработки моделей культуры, при этом нас не должно смущать даже то обстоятельство, что мы в известном смысле можем оказаться в положении контролеров». Что же является основанием для подобного ценностного понятия внутри необихевиористской теории? И при чем здесь контролер?

Ответы находим у самого Скиннера: «Все люди осуществляют контроль и сами находятся под контролем». Это звучит почти как успокоение для человека, демократически настроенного, но вскоре выясняется, что речь идет всего лишь о робкой и почти ничего не значащей формулировке.

Когда мы выясняем, каким образом господин контролирует раба, а работодатель — рабочего, мы упускаем из виду обратные воздействия и потому судим о проблеме контроля односторонне. Отсюда возникает привычка понимать под словом «контроль» эксплуатацию или, по меньшей мере, состояние одностороннего преимущества, а на самом деле контроль осуществляется обоюдно. Раб контролирует своего господина в такой же мере, как господин своего раба — в том смысле, что методы наказания, применяемые господином, как бы определяются поведением раба. Это не означает, что понятие эксплуатации утрачивает всякий смысл или что мы не имеем права спросить: «сui bono?». Но когда мы задаем такой вопрос, то абстрагируемся от самого конкретного социального эпизода и оцениваем перспективы воздействия, которые совершенно очевидно связаны с ценностными суждениями. Подобная ситуация складывается и при анализе любых способов поведения, которые производят инновации в практике культуры.

Я считаю это рассуждение возмутительным; мы должны верить, что отношения между рабом и господином взаимны, и это несмотря на то, что понятие эксплуатации «не лишено смысла». Для Скиннера эксплуатация не является частью самого социального эпизода, этой частью являются лишь методы контроля. Вот позиция человека, для которого социальная жизнь ничем не отличается от эпизода в лаборатории, где экспериментатора интересуют только его методы, а вовсе не сам по себе «эпизод», ибо в этом искусственном мире совершенно не имеет значения, какова крыса — миролюбива или агрессивна. И словно этого еще было мало, Скиннер окончательно констатирует, что за понятием эксплуатации «легко просматриваются» ценностные суждения. Быть может, Скиннер полагает, что эксплуатация или в конце концов грабеж, пытки и убийство — это только слова, а не «факты», коль скоро эти явления очень связаны с ценностными суждениями? Это должно означать следующее: любые психологические и социальные феномены утрачивают характер фактов, доступных научному исследованию, как только их можно охарактеризовать с точки зрения их ценностного содержания.

Идея Скиннера о взаимности отношений раба и рабовладельца объясняется только тем, что он употребляет слово «контроль» в двойном смысле. В том смысле, который употребляется в реальной жизни, вне всякого сомнения рабовладелец контролирует раба и при этом не может быть речи о «взаимности», если не считать, что при определенных обстоятельствах раб располагает минимумом обратного контроля, например, в его руках угроза бунта. Но Скиннер не это имеет в виду. Он подразумевает контроль в самом абстрактном смысле лабораторного эксперимента, который не имеет ничего общего с реальной жизнью. Он вполне серьезно повторяет то, что часто рассказывают как анекдот: это история про крысу, которая рассказывает другой крысе, как хорошо ей удается воспитывать своего экспериментатора: каждый раз, когда она нажимает на определенный рычаг, человек вынужден ее кормить.

Поскольку бихевиоризм не владеет теорией личности, он видит только поведение и не в состоянии увидеть действующую личность. Для необихевиориста нет никакой разницы между улыбкой друга и улыбкой врага, улыбкой хорошо обученной продавщицы и улыбкой человека, скрывающего свою враждебность.

Однако трудно поверить, что профессору Скиннеру в его личной жизни это также безразлично. Если же в реальной жизни разница для него все же имеет значение, то как могла возникнуть теория, полностью игнорирующая реальность?

Необихевиоризм не может объяснить, почему многие люди, которых обучили преследовать и мучить других людей, становятся душевнобольными, хотя «положительные стимулы» продолжают свое действие. Почему положительное «стимулирование» не спасает многих и что-то вырывает их из объятий разума, совести или любви и тянет в диаметрально противоположном направлении. И почему многие наиболее приспособленные человеческие индивиды, которые призваны, казалось бы, блистательно подтверждать теорию воспитания, в реальной жизни нередко глубоко несчастны и страдают от комплексов и неврозов?

Очевидно, существуют в человеке какие-то влечения, которые сильнее, чем воспитание, и очень важно с точки зрения науки рассматривать факты поражения воспитания как победу этих влечений. Разумеется, человека можно обучить чуть ли не любым способом, но именно «чуть ли». Он реагирует на воспитание по-разному и вполне определенным образом ведет себя, если воспитание противоречит основным его потребностям. Его можно воспитать рабом, но он будет вести себя агрессивно. Или человека можно приучить чувствовать себя частью машины, но он будет реагировать, постоянно испытывая досаду и агрессивность глубоко несчастного человека.

По сути дела Скиннер является наивным рационалистом, который игнорирует человеческие страсти. В противоположность Фрейдю, Скиннера не волнует проблема страстей, ибо он считает, что человек всегда ведет себя так, как это ему件у件件件. И на самом деле общий принцип необихевиоризма состоит в том, что идея полезности считается самой могущественной детерминантой человеческого поведения, человек постоянно апеллирует к идее собственной пользы, но при этом старается преимущественно вести себя так, чтобы завоевать расположение и одобрение со стороны своего окружения. В конечном счете бихевиоризм берет за основу квинтэссенцию буржуазной аксиомы о примате эгоизма и собственной пользы над всеми другими страстями.

Причины популярности Скиннера

Невероятную популярность Скиннера можно объяснить тем, что ему удалось соединить элементы традиционного либерально-оптимистического мышления с духовной и социальной реальностью.

Скиннер считает, что человек формируется под влиянием социума и что в природе человека нет ничего, что могло бы решительно помешать становлению мирного и справедливого общественного строя. Таким образом, система Скиннера оказалась привлекательной для всех психологов, которые относятся к либералам и видят в этой системе аргументы для отстаивания своего политического оптимизма. Он апеллирует ко всем, кто верит, что такие вожеленные социальные цели, как мир и равенство являются не просто утопией, и что их можно воплотить в жизнь. Сама идея создания более совершенного научного обоснованного общественного строя волнует всех, кто раньше был в рядах социалистов. Разве не к этому же стремился Маркс? Разве не он назвал свой социализм «научным» в противоположность «утопическому» социализму предшественников? И разве метод Скиннера не выглядит особенно привлекательно в тот исторический момент, когда политические лозунги себя исчерпали, а революционные надежды захлебнулись.

Однако Скиннер привлекает не только своим оптимизмом, но и тем, что ему удалось умело вмонтировать в традиционно либеральные идеи элементы ярого негативизма. В век кибернетики индивид все чаще становится

объектом манипулирования. Его труд, потребление и свободное время — все находится под воздействием рекламы, идеологии и всего того, что Скиннер называет «положительное стимулирование». Личность теряет свою активную, ответственную роль в социальном процессе, становится совершенно «конформной» и привыкает к тому, что любое поведение, поступок, мысль и даже чувство, отклоняющееся от стандарта, будет иметь для нее отрицательные последствия. Личность результативна лишь в том, что от нее ожидают. Если же она будет настаивать на своей уникальности, то в полицейском государстве рискует потерять не только свободу, но и жизнь; в некоторых демократических системах рискует своей карьерой, иногда потерей работы, но — что важнее всего — рискует оказаться в изоляции. В то время, как большинство людей не осознают своего внутреннего дискомфорта, они все же испытывают неопределенное чувство страха перед жизнью, они боятся будущего, одиночества, тоски и бессмысленности своего существования. Они чувствуют, что их собственные идеалы не находят опоры в социальной реальности. Какое же огромное облегчение они должны испытывать, узнав, что приспособление — это самая лучшая, самая прогрессивная и действенная форма жизни. Скиннер превращает кибернетический ад изолированного, манипулируемого индивида в райские кущи прогресса. Он избавляет нас от страха перед будущим, заявляя, что направление, в котором развивается наша индустриальная система, это то самое направление, о котором мечтали великие гуманисты прошлого, да к тому же еще и научно обоснованное. Кроме того, теория Скиннера звучит очень убедительно, так как она (почти) точно «попадает» в отчужденного человека из кибернетического общества. Короче, скиннеризм — это психология оппортунизма, выдающая себя за научный гуманизм. Я вовсе не утверждаю, что Скиннер захотел выступить в роли апологета «технотронного века». Напротив, его политическая и социальная наивность нередко вынуждает его писать такие вещи, которые звучат гораздо убедительнее (хотя и тревожат душу), чем если бы он отдавал себе полностью отчет в том, к чему пытается нас приобщить.

Бихевиоризм и агрессия

Знание бихевиористской методологии очень важно для изучения проблемы агрессии, поскольку в США большинство ученых, даже как-то причастных к проблеме агрессии, являются приверженцами бихевиоризма. Их аргументация бывает краткой: если Джон не обнаружит, что в ответ на его агрессивное поведение его младший брат (или мать) дают ему то, что он хочет, то он превратится в человека с агрессивными наклонностями; то же самое можно было бы сказать в отношении мужественного, низкопоклоннического или любвеобильного поведения. Формула гласит: человек чувствует, думает и поступает таким образом, который он может считать методом достижения ближайшей желанной цели. Агрессивность, как и другие формы поведения, является благоприобретенной и определяется тем, что человек стремится добиться максимального преимущества.

Бихевиорист А. Басс определяет агрессию как «поведение (реакцию), вызывающее раздражение и наносящее ущерб другим органам». Приведу фрагмент его рассуждений:

«То, что в определение понятия агрессии совершенно не вошел такой элемент, как намерение (мотив), обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, намерение имплицитно включает телеологию — целенаправленное действие, устремленное к будущей цели; такое понятие намерения несовместимо с бихевиористскими взглядами. Во-вторых, что еще важнее, это понятие очень трудно применить к действиям, поступкам в бихевиористском смысле. Намерение, умысел — это индивидуальное действие, которое может получить вербальное выражение, а может и не получить... О намерении можно судить по истории процесса «стиму-

лирования». Если агрессивная реакция систематически усиливалась и имела специфические последствия (например, бегство жертвы), то можно утверждать, что повторение агрессивного поведения содержит «намерение вызвать такую реакцию, как бегство». Однако подобное рассуждение совершенно излишне при анализе поведения, гораздо полезнее и продуктивнее будет изучение отношений между историей «стимулирования» агрессивной реакции и непосредственной ситуацией, подтолкнувшей эту реакцию.

В целом категория «намерения» (умысла, мотива) очень сложна для анализа, к тому же агрессивное поведение в большей мере зависит от последствий «стимулирования»; именно они определяют возникновение и интенсивность реакций. То есть, иными словами, речь идет о том, какие виды «стимулов» вызывают агрессивное поведение»¹.

Мы видим, что под словом «намерение» Басс имеет в виду сознательный умысел, не отказываясь полностью от психоаналитического подхода к проблеме.

Таким образом, выдающиеся бихевиористы А. Басс и др. демонстрируют гораздо больше понимания эмоциональных состояний человека, чем Скиннер, хотя в целом они поддерживают главный принцип последнего, что объектом научного наблюдения является действие, а не действующий человек. Поэтому они не придают серьезного значения фундаментальным открытиям Фрейда, то есть не учитывают того, что поведение определяют психические силы, что эти силы в основном находятся на бессознательном уровне и, наконец, что осознание («прозрение») как раз и является тем самым фактором, который преобразует энергетический потенциал и определяет направленность этих сил.

Бихевиористы претендуют на «научность» своего метода на том основании, что занимаются теми видами поведения, которые доступны визуальному наблюдению. Однако они не понимают, что невозможно адекватно описать «поведение» в отрыве от действующей личности. Например, человек заряжает револьвер и убивает другого человека; само по себе действие — выстрел из пистолета, которым убит человек — с психологической точки зрения мало что значит, если его взять в отрыве от «агрессора». Фактически бихевиоризм констатирует лишь то, что относится к действию пистолета; в отношении к пистолету мотив того, кто нажал курок, не имеет никакого значения. А вот поведение человека можно понять до конца, лишь если мы знаем его осознанные и неосознанные мотивы, вызвавшие этот выстрел. При этом мы обнаружим не одну единственную причину его поведения, а получим возможность заглянуть во внутреннюю психическую структуру его личности и открыть многие факторы, которые лишь соединенные воедино привели к такому мгновению, когда пистолет выстрелил. И тогда мы констатируем, что можем объяснить импульс, приведший к выстрелу через целую систему личностных характеристик. А сам выстрел зависит от массы случайных факторов, ситуативных элементов, например, от того, что у данного субъекта в этот момент оказался в руках именно пистолет, что вблизи не было других людей, наконец, от общего состояния его психики, а также от уровня психологической напряженности в данный момент.

Потому ошибочен главный бихевиористский тезис о том, что наблюдаемое поведение представляет собой надежную с научной точки зрения величину. На самом же деле поведение может быть различным в зависимости от мотивирующих его импульсов, и различия эти часто скрыты от наблюдателя.

Это можно проиллюстрировать простым примером. Два отца с разным темпераментом бьют своих сыновей, полагая, что наказание полезно для нормального развития ребенка. Внешне оба отца ведут себя одинаково. Каждый дает своему сыну затрещину правой рукой. Однако, если мы сравним при этом, как ведет себя любящий отец и отец-садист, мы увидим много различий. Различны позы,

¹ Buss A.H. The psychology of aggression. New York, London, 1961. P. 2.

выражение лица, хватка, слова и тон разговора после наказания. Соответственно отличается и реакция детей. Один ребенок ощущает в наказании садистское, разрушительное начало, а другой не имеет никаких оснований усомниться в любви своего отца. Тем более, что эта уверенность дополняется другими бесчисленными примерами поведения отца, которые формируют ребенка с самого раннего детства. Тот факт, что оба отца убеждены будто наказывают детей для их же пользы, ничего не меняет, кроме того, что устраняет моральные преграды с пути отца-садиста. Даже если он никогда не бил своего ребенка из страха перед женой, или из других соображений, или прочитанных книг о воспитании, он все равно вызовет у ребенка те же самые реакции, ибо его взгляд так же точно выдает его садистское нутро, как его руки, дающие ребенку затрещину. Поскольку дети чувствительнее взрослых, они реагируют в целом на импульс, который исходит от отца, а вовсе не на отдельные, изолированные факты его поведения.

Возьмем другой пример. Мы видим человека, у которого красное лицо. Мы описываем его поведение, говоря: «Он в гневе». Если мы спросим, почему он гневается, мы можем услышать: «Потому что он боится». «Откуда этот страх?» «Оттого, что он очень страдает от беспомощности.» «Откуда это чувство?» «Потому что он никак не может порвать узы, привязывающие его к матери и постоянно чувствует себя как малое дитя.» (Это, разумеется, не единственный возможный вариант.) Каждый из этих ответов — истина. Разница лишь в том, что каждый из них отмечает причинную связь разной глубины, и чем глубже лежит причина, тем меньше она осознается. Чем глубже уровень осознания, тем больше мы получаем информации для понимания поведения. И не только для понимания мотивов, но и в том смысле, что поведение человека становится понятным до мелочей. В данном случае наблюдатель с тонким чутьем заметит на красном лице скорее всего выражение испуганной беспомощности, чем гнева. А в другом случае поведение может быть внешне совершенно аналогичным, но от внимательного наблюдателя не ускользнет то, что лицо его выражает жестокость и разрушительность. Его гневное поведение — это лишь результат того, что он держит под контролем свои разрушительные импульсы. И тогда два внешне одинаковых типа поведения на деле оказываются сильно отличающимися друг от друга и объяснить научно эти отличия можно только на основе мотивационной сферы в структуре личности.

Поэтому на вопрос о «краснолицем» я дал необычный ответ: «Он гневается потому, что его оскорбили, или же он чувствует себя оскорбленным». Подобное объяснение делает акцент на повод для гнева и упускает из виду, что раздражительность и гневливость могут быть и чертами характера данной личности. Группа людей будет по-разному реагировать на один и тот же раздражитель в зависимости от характера индивидов. Так, например, субъекта А этот раздражитель задевает; субъект В испытывает к нему отвращение; субъект С может его испугаться, а субъект Д просто проигнорирует его.

Басс прав, когда утверждает, что намерение — личное дело каждого, которое может получить словесное выражение, а может и не получить. Однако как раз в этом и состоит дилемма бихевиоризма: не располагая методом анализа невербализованных данных, он вынужден ограничивать свои исследования теми данными, которые ему доступны и которые обычно слишком грубы и поверхностны и потому недостаточны для проведения тщательного теоретического анализа.

*Перевод с английского подготовлен Э. М. ТЕЛЯТНИКОВОЙ
в лаборатории теории и истории культуры ИНИОН РАН*